

Дам Прекрасных имена
Мог бы я назвать тотчас,
Но восторг от них угас,
Их краса омрачена.

Раймон де Мирваль
«Жизнеописание трубадуров»

Глава 1

«САВОЙ»

О прошлом жалеть не стоит. Надо уметь жить сегодняшним днем. После двадцати восьми лет брака Нателле Георгиевне этого не надо было повторять дважды. Если жизнь чему-то тебя учит — усваивай это. Если она бьет тебя — залечивай синяки. Если она дарит что-то — цени, потому что это ненадолго.

Неделю в Риме они с мужем подарили сами себе совершенно бескорыстно — так по простоте душевной думала Нателла Георгиевна. Из двадцати восьми лет их совместной жизни последний месяц выдался трудным, почти катастрофичным. Но она справилась с катастрофой. Так, по крайней мере, казалось Нателле Георгиевне. Справилась и решила, что все можно похоронить и забыть. А местом для забвения был избран Рим.

Муж Нателлы Георгиевны Орест Григорьевич всю организацию поездки взял на себя — ездил в турагентство, лично выбирал отель, заказывал авиабилеты на регулярный аэрофлотовский рейс. За время этих хлопот он словно помолодел на несколько лет. Был оживлен, весел. Твердил, что они отлично отдохнут. Когда ему звонили их общие с Нателлой друзья, он не забывал сообщить всем и каждому, что они с женой решили махнуть в отпуск в Италию, посмотреть Вечный город. Говорил, что они намеренно не желают связывать себя рамками банального тура, где вечно собирается не пойми какая

сборная солянка из ретивых, жадных до заграничных впечатлений соотечественников, а едут тесной компанией «своих». Что, кроме Рима, они проведут еще неделю на море — возможно, в Амальфи или на Сицилии. Что мертвый «несезон» их с женой не пугает, наоборот, им хочется покоя, тишины, долгих упоительных прогулок по музеям, паркам, улицам. Что, в конце концов, с деньгами не проблема, хотя долларовые платежи в турагентстве были бы все же предпочтительнее «евровых», но... не в деньгах же счастье, сами понимаете.

В чем именно заключается это самое счастье, кто-то, а Нателла Георгиевна понимала. Первый и самый серьезный урок за двадцать восемь лет совместной жизни с мужем ею был усвоен накрепко. На уровне подсознания, на уровне рефлекса. Вот так сидеть в самолете в бизнес-классе рядом с мужем — это и есть уже самое настоящее счастье. Видеть, когда он отворачивается, смотря в иллюминатор, его сидящий затылок, где волосы уже успели слегка поредеть. Но где, слава богу, нет и намека на плешь, так обезобразившую после сорока многих достойных, импозантных, солидных мужчин. Вот так касаться его руки — класть свою ладонь на его запястье, чувствуя тепло кожи и холодок браслета часов. Обращиваться, встречая взглядом, одновременно стоя и двигаясь на бегущей ленте эскалатора римского аэропорта — глаза мужа, глаза человека, с которым прожита вся сознательная жизнь. Чье тело, привычки, капризы, недомогания так же дороги, как и свои собственные.

В Риме они поселились в отеле «Савой» на Виа Людовизи. Отсюда было рукой подать до всего — до Пьяцца ди Спанья с ее с детства знакомой по фильму «Римские каникулы» лестницей, до фонтана Треви, до Квиринальского дворца и чудесного парка Боргезе.

Отель «Савой» выглядел довольно помпезно: огромные люстры, мраморные полы, зеркала, хрусталь, стойка рецепции, смахивающая по форме и по качеству поли-

рованного дерева на Ноев ковчег. Нателла Георгиевна в первое мгновение даже слегка растерялась — она бы выбрала отель куда скромнее. Но она быстро освоилась. В конце концов, это и называется в Европе хорошим, солидным отелем. Этот неуловимый дух тридцатых в декоре, светлый просторный номер с видом на Тринита Дей Монти, мягкие ковры в коридорах, гасящие шаги постояльцев.

В первую же ночь в отеле Нателла Георгиевна забыла свой зарок не вспоминать о прошлом. Могли ли они с Орестом мечтать о такой поездке лет двадцать тому назад? О, то была тоже жизнь — зебра в черно-белую полосу. Кому рассказать, кто теперь поймет? Первые годы, прожитые вместе, — они ведь поженились с Орестом совсем молодыми, наперекор всему — родителям, здравому смыслу, будущему. Первые годы вместе — учеба в институте, работа, два выкидыша, приговор знакомого врача-гинеколога о полной неспособности иметь ребенка, вечные посиделки на кухне с друзьями, джин из валютной «Березки», клубы сигаретного дыма, разговоры на животрепещущие темы о поездке в Тарусу, о последнем скандале на Таганке, о войне в Афганистане. Сплетни об уехавших в Америку знакомых, однокашниках, планы на отъезд, планы на жительство в Союзе.

За участие в некоем сборнике аналитических статей, опубликованном на Западе, у Ореста были сначала трения, а затем крупные неприятности с КГБ. Его дважды вызывали на Лубянку. Нателла поддерживала его, гасила его страхи (ведь он боялся, как и всякий нормальный человек, опалы, лагеря, лишения привычного, с детства привычного, обеспеченного, московского уклада жизни). Она ободряла его как жена и как товарищ, говорила, что он не должен поддаваться ИМ, что у НИХ против него все равно ничего нет — законного, того, что может прозвучать как обвинение на суде — в измене, в антисоветской деятельности. Там и действительно ничего тако-

го не было — посмотреть сейчас, спустя двадцать лет, все было так несерьезно, дилетантски. Они были молоды и простодушны. Им постоянно мерещилось, что все вращается вокруг них — даже Лубянка с ее железным Феликсом и подземной тюрьмой.

Но они и мечтать тогда не могли, что когда-нибудь вот так просто получают визу, сядут в самолет и прилетят в Рим. И будут жить в первоклассном отеле, просыпаться, завтракать в ресторане, гулять до изнеможения, ужинать в любой приглянувшейся траттории, ездить на такси в Остию, в Тиволи, зная, что все это так и должно быть, потому что это не что иное, как каникулы, после которых они снова сядут в самолет и свободно, без всяких препятствий, без всякого КГБ-ФСБ, смогут вернуться домой в Москву. И им ничего за это не будет.

Размышляя обо всем этом, Нателла Георгиевна даже всплакнула украдкой — мир кардинально изменился за каких-то два десятилетия. И привыкнуть к этому было нелегко, хотя перемены являлись не чем иным, как полностью сбывшимися мечтами молодости.

Первые пять дней в Риме Нателла Георгиевна с мужем почти не расставалась. Они гуляли по городу с утра до вечера. Рим затягивал, как гигантская воронка, стены которой были сплошь мозаикой из полотен Рафаэля, Караваджо, Андреа дель Сарто, а дно упиралось в бесконечную Аппиеву дорогу, уводившую под землю, в древние катакомбы. Именно после дня, проведенного в катакомбах Святой Каллисты, Орест Григорьевич впервые робко пожаловался на усталость. Нателла Георгиевна восприняла это спокойно — позади уже были экскурсия в Ватикан, куда пришлось отстоять грандиозную очередь, и поход на виллу Боргезе.

«Он уже не в том возрасте, чтобы можно было пренебрегать своим здоровьем, — подумала Нателла Георгиевна. — Я должна его беречь». И когда на следующий вечер муж, виновато улыбаясь, отказался от обычной

«прогулки перед сном» — «Нет, Наташа, я пас, я лучше полежу, почитаю», — она восприняла это как должное.

Она покинула отель одна. Было всего пять часов вечера. Погода стояла прекрасная — в конце октября в Риме так же тепло, как в Москве в августе. Измученные и счастливые, обессиленные и беззаботные туристы со всех концов света стекались в бары пропустить по стаканчику, занимали столики уличных кафе, отдыхали, бездумно и блаженно наблюдая городскую суету. Нателла Георгиевна чувствовала себя как нельзя лучше. Вот и брючный летний костюм от Кельвина Кляйна, купленный по совету подруги Светланы перед самой поездкой, пригодился. Ощущаешь себя подтянутой и стройной, сильной, стремительной. А эта чудненькая сумочка в тон, купленная уже здесь, на Виа Моргутта!

По дороге Нателла Георгиевна украдкой ревниво изучала всех попадающихся навстречу сверстниц — римлянок, возвращавшихся домой с работы, и туристов — англичанок, немок, скандинавок. Что ж, конечно, сорок и еще девять прожитых лет — возраст, но... Вон идет итальянка — сверстница. Тоже уже к пятидесяти. Деловой костюм, хорошая обувь, отличные духи, ухоженное лицо, аккуратная прическа. А вон идет помоложе, лет тридцати — лицо потемнело от загара, мелированные волосы как мочалка, джинсы, майка, куртка, все вроде модное, а вида нет. Стиля нет, шика. Пожалуй, та, которой к пятидесяти, выглядит гораздо лучше — по возрасту элегантно.

Она поймала на себе взгляд встречного прохожего. Итальянец. И, между прочим, намного моложе. Вот так, смотрят, заглядываются. На это вот лицо, не тронутое южным солнцем, на эти вот пепельные (пусть крашенные) волосы, на эти глаза — серые, а при удачном освещении зеленые, как у наяды.

Нателла Георгиевна свернула на Виа Венетто. Кто-то говорил — кажется, подружка Зина, — что осенью на

террасах летних кафе этой знаменитой на весь мир улицы собираются стаями сплошные олигархи и звезды Голливуда из тех, кому за шестьдесят и больше. Может быть, за тем столиком сидит обалдевший от биржевых новостей и интриг Сорос? А вон там, чуть подалее, на террасе «Кафе де Пари» переживает приступ повышения артериального давления седой, как лунь, Алэн Делон?

Слишком шумная, буржуазная улица — нет, сорока-девятилетней москвичке, пусть и воспитанной на фильмах Феллини и активно увлекавшейся в молодости диссидентством, на этой улице не очень комфортно. Ноги несут дальше, дальше, сумерки над городом как зеленый дым. Зажигаются первые фонари. Тритон фонтана на площади Барберини целится в прозрачное вечернее небо струей воды. Какое сумасшедшее движение — подалее от этих оголтелых машин.

Нателла Георгиевна свернула направо. А вот и цель этой вечерней прогулки — маленькая церковь Непорочного зачатия. К таким местам в Риме стремятся лишь те, кто впитал в себя Италию еще дома — по книгам, по рассказам друзей — искусствоведов и историков, по собственной склонности ко всему редкому, необычному. Музей капуцинов, располагающийся при церкви, к счастью, был еще открыт. Нателла Георгиевна вошла под прохладные сумрачные своды.

Древний реликварий и хранимые в нем как редкая драгоценность хрупкие кости монахов-затворников. Странное впечатление производит смерть, выставленная напоказ. Уложенные штабелями человеческие кости, черепа. Все соединяется в некий грозный орнамент, от созерцания которого начинает кружиться голова, появляется легкая тошнота и этот холодок, царапающий кожу. Нателла Георгиевна посмотрела вверх — и тут зрелище. Средневековый перформанс — скелет, сжимающий костлявыми пальцами занесенную для удара косу. После шумной городской суеты, после праздничной Виа

Венетто все это как-то... странно, не правда ли? И наводит на кое-какие мысли.

Из музея капуцинов Нателла Георгиевна вышла задумчивой.

Но Рим быстро стер обрывки тревожных воспоминаний, в мгновение ока излечил головокружение. И наполнил сердце покоем. Нателла Георгиевна прибавила шагу. В самом деле — что было, то прошло. Осталось в Москве, похороненное и забытое навсегда. Настоящее в том, что они вместе с Орестом здесь, в Риме. Настоящее — это их номер в отеле «Савой», супружеская постель, совместные пробуждения по утрам под звуки колокола средневековой часовни, сборы, споры, прогулки по городу, обеды и ужины, долгожданная поездка на Сицилию.

Из открытых дверей ближайшего ресторанчика слышались звуки гитары. Нателла Георгиевна заспешила назад в отель — такой чудный теплый вечер, надо все-таки вытащить мужа на улицу пройтись перед сном. Или просто посидеть на террасе на крыше отеля, где оборудовано летнее кафе, полюбоваться огнями ночного города.

В холле у стойки рецепции громоздились чемоданы — в отель прибыла очередная группа туристов. Нателла Георгиевна прислушалась к чужеземной речи — ни словечка знакомого, наверное, финны приехали или норвежцы. Она поднялась в лифте на третий этаж. Свет в пустынном коридоре зажигался и гас, подчиняясь ритму ее шага — срабатывали фотоэлементы. Она открыла дверь своего номера, нажав на ручку, — не заперто.

— Не волнуйся, не переживай, я что-нибудь обязательно придумаю, клянусь.

Нателла Георгиевна остановилась в холле номера — увидела в зеркале встроенного в стену шкафа для багажа себя, как есть, без прикрас, с ног до головы. Муж с кем-

то разговаривал по телефону, лежа на кровати. Нателлу Георгиевну он не видел.

— Если бы ты только знала, моя девочка, как я по тебе скучаю, — донесся до Нателлы Георгиевны его приглушенный голос. — Если бы ты знала, каких нервов мне стоит эта проклятая поездка. Я пытался все отложить, но тогда ситуация вообще вышла бы из-под контроля. Ты не знаешь мою жену. Она бы отравила нам жизнь. Нет, это сейчас сделать невозможно. Будет только хуже. Кому? Нам с тобой в первую очередь. Нет, и это тоже пока невозможно. Нет... Давай лучше не будем об этом сейчас, ладно? Вот умница, ты все понимаешь, моя ненаглядная девочка. Ты мне снишься каждую ночь, я все время о тебе думаю. Здесь так красиво, но я как слепой, честное слово — ничего не вижу. Только ты одна у меня перед глазами. Я вернусь через неделю, у нас билеты на самолет на двадцать шестое число. Как только прилечу, сразу же приеду. А до этого буду звонить тебе как только смогу. Я тебя бесконечно люблю, я схожу с ума без тебя, слышишь?

Нателла Георгиевна тихо вышла в коридор: дверь в номер осталась открытой. Золотисто-коричневый ковер под ногами скрадывал ее неловкие, неуверенные, быстрые шаги. Она дошла до лифта, нажала кнопку. Лифт приехал, распахнул сияющие, отделанные бронзой и мореным дубом двери, но она не двинулась с места. Лифт уехал. Прошло сколько-то времени — кто считал? Нателла Георгиевна снова нажала кнопку вызова. Странно, как все же это странно, ненормально устроено... По-идиотски... Можно бежать за три моря и не спастись. Можно искренне хотеть начать все сначала и не начать. Можно жадно желать все забыть и не забыть ничего. То, что было, — это всегда то, что было. И от этого никуда не спрятаться.

Лифт приехал, снова открыл двери, словно призывая в свои механические объятия. Нателла Георгиевна

шагнула в лифт и коснулась кнопки с цифрой «шесть» — последний этаж отеля, ресторан, кафе на открытой террасе на крыше. Под самыми звездами, кокетливо смотрящимися в воды Тибра.

В кафе молоденький официант с коричневым личиком заморенной кухонной суетой мартышки вежливо проводил ее к свободному столику у самых перил террасы. Нателла Георгиевна судорожно вцепилась в протянутое меню, махнула официанту — одну минуту, синьор, потом, после.

Она сдерживалась изо всех сил — ей хотелось кричать, выть в голос. Сдернуть со стола крахмальную скатерть, перебить все бокалы, бутылки. Но вместо этого она трясущимися руками достала из сумки сигареты, закурила. Поднялась, оперлась локтями на прохладные каменные перила террасы, вперила взгляд в темноту. Огни, огни — над парком Боргезе, над Квириналом, на дальних Яникульских холмах. Огни расплываются, дрожат, дробятся в навернувшихся на глаза предательских слезах.

Что же делать? Как жить? Как дальше жить с ним?!

Огни там, внизу, разгорались все ярче. Их становилось все больше, больше...

Нателла Георгиевна перегнулась через перила — там, внизу, городской асфальт, твердый, как камень. Римская мостовая, утрамбованная поступью легионов. Может быть, она примет еще одного легионера? И кому-то двадцать шестого числа потребуется только один билет на самолет для возвращения туда... домой.

Огни заплясали как сумасшедшие, голова снова закружилась и одновременно вдруг стала легкой-легкой, и тело стало почти невесомым.

— Cosa fa?! No! No signora! Aiuto!¹

Чьи-то руки крепко схватили ее сзади, дернули, не

¹ Что вы делаете? Нет! Синьора, нет! На помощь! (итал.)

давая окончательно утратить равновесие. Сумка упала на пол, с грохотом опрокинулся стул. Затрезвонили на соседних столах мобильные телефоны — сразу несколько постояльцев отеля, громко крича, вызывали «пронто сокорсо» — карету «Скорой помощи» «для потерявшей сознание синьоры».

Нателла Георгиевна всхлипнула — чья-то сердобольная рука, явно женская, украшенная яшмовым браслетом, стремясь привести ее в чувство, поднесла к ее носу маленький открытый флакон духов. Духи пахли медом и состраданием. И они запрещали умирать вот так просто — случайно или намеренно, буднично и бесславно.

Глава 2

«ПАРУС»

Семь месяцев спустя

День двенадцатого мая всегда, хотя и негласно, считался в гостиничном комплексе «Парус», что раскинул свои комфортабельные корпуса на берегах Серебряного озера, днем «санитарным». Отшумели майские праздники с их наплывом постоянных клиентов, шашлыками, катанием на катерах и скутерах, дискотекой нон-стоп и праздничным ночным салютом. Большинство отдыхающих разъехалось. В номерах началась уборка, смена белья, чистка и мойка, отпаривание винных и прочих пятен с обивки диванов и кресел.

Для горничной второго этажа главного корпуса Вероники Мизиной это было трудное, хлопотливое время. А тут еще и ночное дежурство выпало.

На втором этаже занятыми оставались всего три номера. Клиентов своих Вероника знала в лицо. В двести восемнадцатом двухместном полулюксе с большим теле-

визором и лоджией, выходящей на поле для гольфа, вот уже две недели жила пожилая супружеская пара — некогда гремевший на всю страну народный артист театра и кино, ныне парализованный, лишившийся дара речи, с женой, превратившейся в добровольную сиделку. В «Парусе», как было известно всему персоналу, они жили на благотворительных началах — месячный курс реабилитации для народного артиста был оплачен из фондов столичной мэрии и Театрального общества.

В двести двадцатом двухместном, стандартном, проживали тоже старики — муж и жена, бывшие совпартработники. Отдохнуть на Серебряное озеро их отправил сын-бизнесмен. В шумных развлечениях и анимационных программах мая старики не принимали никакого участия. После завтрака, обеда и ужина чинно гуляли рука об руку по дорожкам парка, а спать ложились рано — сразу же после девятичасовых теленовостей.

С ними у Вероники никогда не было никаких проблем. И старики, и жена парализованного народного артиста были людьми прежней закалки, и не было такого случая, чтобы они третировали горничную.

В двести втором номере тоже оставался клиент, точнее, даже двое клиентов — он и она. Вероника Мизина уже встречала «его» в «Парусе» раньше — он приезжал несколько раз на выходные. Фамилия его была Авдюков. По слухам, он был важной шишкой. И то, что он приезжал на новой дорогой иномарке и всегда бронировал один и тот же двухкомнатный люкс с видом на озеро, только прибавляло ему солидности и веса. А вот «ее», спутницу, Вероника видела с ним впервые. В прежние уик-энды спутницы, помнится, были другие — каждый раз новая: блондинка, брюнетка, рыженькая. Эта была брюнеткой — маленькой, хрупкой, смуглой от загара. Приехала она в «Парус» на своей машине — новой серебристой «Ладе».

Эта пара занимала номер с десятого числа, что было

вообще-то необычно, потому что основные клиенты приезжали утром первого мая, или, на худой конец, вечером седьмого мая. Но эти приехали вечером десятого и всю ночь провели сначала в баре, затем в бассейне, потом на танцах и только под утро перекочевали в номер. Поздний завтрак они потребовали тоже в номер уже во втором часу дня. А с трех без устали гоняли на катере по озеру. После ужина коротали время в баре и вернулись в номер лишь после полуночи — шумные, крикливые, взбудораженные, еле держащиеся на ногах.

В послепраздничные дни, когда умолкали ди-джеи и сравнительно рано закрывался танцпол, жизнь в «Парусе» замирала обычно уже в половине второго ночи. Положа руку на сердце, в бдении коридорной горничной на этаже не было никакого смысла. Но таков был порядок, и, дорожа своей работой, Вероника Мизина этому порядку подчинялась беспрекословно.

Она сидела у себя в кастилянской, смотрела маленький портативный телевизор. Жалюзи на окне были раздвинуты, в окно заглядывала луна. По телевизору шел какой-то старый голливудский фильм — ни одного актера Вероника не знала, да и интереса к фильму не испытывала, но дотянуться до пульта, выключить телевизор не было сил. Она смертельно устала за эти суматошные сутки.

В коридоре хлопнула дверь, послышались голоса — смутно, еле различимо: в «Парусе» была первоклассная звукоизоляция. Вероника покосилась на телефон — сейчас позвонят, наверняка выдернут, что-то потребуют — принеси, подай. Но телефон молчал.

Фильм закончился в половине третьего. Вероника собралась в туалет для персонала умыться — лицо стягивало, пора было смыть с себя косметику, дать коже отдохнуть. Она сползла со стула, подошла к двери кастилянской. Невольно оглянулась — огромная, зеленовато-

мутная луна по-прежнему пялилась в окно. Вместо того чтобы направиться в туалет, Вероника подошла к окну.

Долго смотрела в темноту. Обычно в дни наплыва клиентов по всей территории «Паруса» до утра горели фонари. Но сейчас в целях экономии уличную подсветку отключили. Берега озера, причал для катеров и моторок, парк, поля для гольфа, конно-спортивная база освещались только луной. Начало мая выдалось холодным — листья на деревьях только-только начали распускаться, и от этого деревья до сих пор казались голыми, лишь слегка тронутыми зеленым туманом. Было очень тихо — только какие-то тени колыхались, клубились внизу. Вероника закрыла жалюзи, чувствуя, что не желает впускать в кастелянскую эту лунную обморочную мглу. Она вдруг вспомнила, что одна на всем этаже из всего персонала, что дверь кастелянской не заперта.

Не то чтобы она боялась или нервничала — нет, но все-таки она подошла к двери и повернула в замке ключ. А умыться в служебный туалет в другом конце коридора, рядом с кладовой для пылесосов и моек так и не пошла. Села на стул, набросила на плечи вязаную кофту, налила себе горячего сладкого чая из термоса и...

Сон сморил ее уже через пять минут. Согнувшись на стуле, Вероника спала.

Проснулась оттого, что ее что-то разбудило. Еще не понимая спросонья, что это было — шум, телефонный звонок, — она оглядела комнату: горит лампа настольная, стоит открытый термос, закрыть забыла, чай, наверное, давно остыл, кофта на полу валяется, жалюзи на окне, дверь закрыта, ключ торчит и...

Какой крик! Сердце Вероники замерло — из-за двери, из коридора донесся дикий вопль, в котором, кажется, не было ничего человеческого.

Вероника вскочила, спотыкаясь, кинулась к двери и... остановилась. Но колебание ее длилось всего пару секунд — она все-таки была храброй женщиной. Повер-

нула ключ, распахнула дверь — слава богу, в коридоре свет! Конечно же, свет, так и должно быть, свет никто не гасит, он горит всегда.

Коридор был пуст. И тут душераздирающий крик повторился, закончившись хриплым стоном. Он шел из двести второго номера. Вероника бросилась туда. Толкнула дверь — влетела, даже не успев удивиться, что дверь не заперта, и...

На полу холла-гостиной на красном ковре бился в ужасных судорогах полуголый мужчина. Потрясенная Вероника с трудом признала в нем того самого беспокойного клиента по фамилии Авдюков. Лицо его было искажено гримасой боли, он со свистом втягивал в себя воздух, царапал ковер. Вероника почувствовала какой-то странный запах, но от испуга никак не могла сообразить, что это. Выскочила в коридор, зовя на помощь, плохо соображая, что звать бесполезно — надо звонить. Кинулась в кастиелянскую к телефону.

Вдогонку ей из двести второго номера снова раздался вопль такой силы, что его услышали не только разбуженные постояльцы главного корпуса, но и сладко дремавшие в этот глухой предрассветный час охранники в сторожке на въезде в «Парус».

Глава 3

МЕГЕРА ИВАНОВНА

Что лукавить, интерес к происшествию в «Парусе» Катя — Екатерина Сергеевна Петровская (по мужу Кравченко), криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, — ощутила не сразу, а лишь тогда, когда увидела в сводке среди фамилий сотрудников, участвовавших в первоначальных следственных действиях, фамилию Киселева.

— Ну, и чем же ты будешь заниматься без меня, до-

рогуша? — спросил Катю муж Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В.А.».

Спрашивать «драгоценному» было легко: вместе со своим закадычным другом Сергеем Мещерским он отправлялся догуливать свой законный отпуск. И куда отправлялся-то! Катя холодела каждый раз, когда он и его закадычный дружок расстилали на полу карту и начинали азартно ползать по ней, ища некую «долину реки Чилик, протекающей у подножия хребта Заилийский Алатау». Это было где-то на краю света. Точнее, возле горного озера Иссык-Куль в Казахстане.

Инициатором поездки, конечно же, выступал неугомонный Мещерский — его турфирма «Столичный географический клуб» всю зиму набирала группу любителей экстремального отдыха для экспедиции в Заилийский Алатау. В рекламном буклете экстремалов Катя прочла о том, что «долина — малоизученное и труднодоступное место, где нет дорог и куда добраться можно лишь вертолетом и по опасной конной тропе». По сведениям того же буклета, в горах Алатау все еще водились непуганые барсы, медведи, рыси, архары и горные куропатки — кеклики. По заснеженным вершинам как у себя дома слонялся снежный человек Ети, который нет-нет да и вступал в контакт с кем-либо из охотников или пастухов — просил то сигареток, то дровишек подкинуть.

Катя умоляла «драгоценного» не ехать. Плакала, твердила: «Ты меня совсем не любишь». Но все было напрасно — «драгоценный» бубнил, что лучший отдых для настоящего мужчины у походного костра с двустволкой в обнимку. Что одного «в эту захребетную дичь» он все равно друга Серегу не отпустит. Что он, в конце концов, дал слово товарищам и что у них подобралась отличная команда: Витька, Димон, Саня, многоопытный Пал Палыч и, естественно, Колян — куда без Коляна!

Сергей Мещерский, чувствовавший себя перед Ка-

тей, по его же собственному признанию, «капельку виноватым», в эти семейные разборки дальновидно не вмешивался. Но при каждом телефонном разговоре с Катей старался вежливенько ее успокоить, в основном упирая на то, что у них четко разработанный маршрут, снаряжение просто супер и в доску надежный проводник — сам знаменитый Кара-Мерген, который, по слухам, до выхода на пенсию был личным егерем президента Казахстана.

Короче, это был чисто мужской поход «туда и обратно». Катю же оставляли дома как женщину и хрупкий балласт, не способный ни лазить по горам, ни ездить верхом, ни выслеживать рысь на тропе, ни красться по пятам за снежным человеком.

Чтоб он пропал, этот урод! Катя из всех «прелестей», заманивших мужа в эту экстремальную авантюру, отчего-то больше всего ненавидела именно это снежное страшилище и желала ему подавиться кем-нибудь из чокнутых путешественников — например многоопытным Пал Палычем или, на худой конец, тощеньким, невкусным Коляном.

И вот, отбывая в отпуск на край света, «драгоценный» самым строгим тоном поинтересовался:

— Так чем же ты будешь заниматься без меня, дорогуша, а?

— Я буду по тебе скучать, — отвечала безутешная Катя (разговор начался еще дома, а продолжился в зале отлета аэропорта Внуково). — Очень, очень скучать и ждать. Ну, может, на днях к Марьяне Киселевой съезжу — помнишь Марьяну? У них там, в Щеголеве, какой-то случай странный, я прочла в сводке криминальной.

— К Марьяне можно, разрешаю, — «драгоценный», когда что-то разрешал, чувствовал себя «королем-солнцем» — милостиво улыбался, благодушничал. — С мужем-то она своим вчистую развелась? М-да... Вырвался

мент из хищных, цепких лапок, обрел-таки долгожданную свободу.

«Драгоценный» вместе с закадычным другом Мещерским и всей командой экстремалов улетел в Алматы в среду. А уже в пятницу Катя, обговорив командировку с начальником, отправилась в Щеголево.

После майских праздников, когда большинство газет и журналов не выходило, наступили горячие дни. Телефоны в кабинетах пресс-центра ГУВД разрывались. Сотрудники потрошили сводки, стараясь выудить в них для журналистов, жаждавших новостей, хоть что-нибудь. Речь уже шла не о сенсации, не об изюминке — обрабатывались и пускались в информационный оборот самые что ни на есть банальности типа пьяных драк, поножовщины, уличных грабежей и квартирных скандалов.

Происшествие в загородном отеле «Парус» стояло в этом унылом перечне особняком. Однако сведения, которые удалось собрать Кате в главке, были самые туманные, то ли криминал, то ли трагический несчастный случай — непонятно. Потерпевший — некий Владлен Авдюков — тоже какая-то неясная фигура. Предприниматель, по слухам, влиятельный человек, известный многим. Однако до поры по каким-то там причинам державшийся в тени. Одно было бесспорно: уголовное дело, возбужденное по факту гибели этого самого Авдюкова, в данный момент находится в производстве старшего следователя Щеголевского ОВД капитана милиции Марьяны Киселевой.

Марьяна же была подругой Кати. Давней, близкой. И в ее жизни в последние месяцы произошли значительные перемены. Увы, к худшему.

Главной достопримечательностью Щеголева было, конечно же, Серебряное озеро. Катя очень любила его. Пожалуй, в ближнем Подмоскowie не встретишь более живописного и тихого уголка. Городок Щеголево пос-

ле войны проектировали и строили пленные немцы, именно поэтому он, наверное, и отличался странной для провинциального городка планировкой и архитектурой: прямые, словно прочерченные по линейке улочки и дома — двухэтажные коттеджи из красного кирпича на шесть квартир каждый. Возле коттеджа крохотный палисадничек с оградой. От одного дома до другого ровно двести шагов — можно даже и не считать, не ошибешься.

Вдоль улочек были высажены тополя, пух которых летом летал над городком, как снег. Детвора поджигала спичками пух на тротуаре, на лавочках в палисадниках сидели старушки, кошки. На подоконниках стояли аквариумы с рыбками и клетки с волнистыми попугайчиками. Население, в оные времена поголовно занятое на единственном имевшемся в городке оборонном предприятии, ныне почти в полном составе ездило на автобусах и маршрутках на заработки в Москву.

Окрестности Щеголева и особенно берега Серебряного озера были признанной и популярной зоной отдыха. По берегам тут и там в сосновых борах за высокими заборами скрывались корпуса и коттеджи загородных клубов, отелей, домов отдыха и гостиниц. Активно строились особняки и дачи — новые, похожие на дворцы и замки. Но было и немало старых дач, потому что Серебряное озеро во все времена славилось в Подмосковье так же, как и Валентиновка, Малаховка и Фирсановка.

В общем, это было славное место. Катя любила Щеголево и прежде часто в нем бывала, приезжая в гости к Марьяне и ее мужу Максиму — на их свадьбе шесть лет назад она даже была свидетелем со стороны невесты. Браку предшествовал страстный роман, всеми подробностями которого влюбленная по уши Марьяна делилась с Катей. Помнится, Катя даже завидовала втихомолку: вот как бурно и пылко может ухаживать за лейтенантом милиции (Марьяна только-только тогда еще пришла на работу в Щеголевский ОВД после окончания

института) капитан милиции Максим Киселев, тогда начальник местной ГАИ.

Разве можно представить начальника ГАИ, поющего серенаду под окнами любимой? В Москве такого, пожалуй, сочтут сумасшедшим или пьяным вдугаря и втихомолку уволят — от греха подальше. А в Щеголеве — совсем иная аура. Раз влюбился — пой до хрипоты, бренчи на гитаре, забыв и про должность, и про погоны. И никто слова тебе не скажет, не крутанет у виска пальцем — мол, ку-ку, совсем того. Старушки головками покачают только, как одуванчики божьи, вздохнут — эх, молодость-девственность, простота!

Максим действительно простаивал ночи напролет под окнами Марьяны (даже под проливным дождем, даже в зимнюю пургу) — это было Кате доподлинно известно. Дважды имел крупные объяснения из-за нее с коллегой из местного УБОПа — тот тоже закидывал было удочки, но в конце концов отступился. Кишка была тонка так ухаживать и добиваться. А Максим ухаживал как бешеный — играл для Марьяны на гитаре, пел, на спор прыгал в ледяную воду Серебряного озера в марте, выиграл ради нее соревнования на первенство ГУВД по рукопашному бою и совершал еще немало разных безумств и глупостей, о которых Марьяна тогда рассказывала Кате с напускным безразличием и тайным восторгом. Уже после свадьбы, беременная на третьем месяце, она тайно призналась Кате, что все эти безумства со стороны бесшабашного начальника ГАИ в принципе были и не нужны — она ведь полюбила его сразу, как только увидела впервые за столом в служебном кабинете. С ее стороны это была любовь с первого взгляда и на всю жизнь.

У Марьяны с Максимом родилась дочка Верочка, а потом прошло шесть лет и...

Когда Марьяна сухо сообщила по телефону: «А мы развелись — вчера был суд», Катя буквально лишилась дара речи.

Это было сразу после Нового года. Такой вот подарочек-сюрприз. А сейчас на дворе уже был май. Май-чародей...

Между прочим, к сведению любопытных туристов-краеведов: Щеголевский ОВД полвека назад тоже строили пленные немцы. Готический стиль, однако, на этот раз не приветствовался — восторжествовал сталинский ампир. Фасад ОВД украшали две нелепые колонны с лепниной, окна оберегали крепкие решетки, стены всегда красились в нейтральный терракотовый цвет, парковка для служебного транспорта старательно убиралась и подметалась так называемыми «суточниками». К главному зданию, где сидел начальник ОВД, его многочисленные замы, кадры и уголовный розыск, примыкали флигельки, где располагался гараж, экспертный отдел и где, теснясь в маленьких подслеповатых кабинетах, гнездились непритязательные к бытовым лишениям дознаватели и следователи.

Чтобы попасть на территорию ОВД, огороженную бетонным забором, надо было пройти через дежурную часть.

— Вы к кому, гражданочка? По какому такому вопросу? — остановил Катю грузный пожилой дядька — дежурный.

Катя предъявила свое удостоверение.

— Я к старшему следователю Киселевой Марианне Ивановне.

— Проводи товарища капитана из пресс-службы, — приказал дежурный молоденькому помощнику. — А вы что же это, про старшего следователя Киселеву в газете писать будете?

— Очень даже возможно, — уклончиво ответила Катя.

— А в какой такой газете?

— В «Щите и мече», например.

— Это что же у вас, приказ такой от начальника — в газете писать? — не унимался дежурный.

— Приказ, — ответила Катя. Есть такая категория дядек-дежурных из старослужащих, которые не видят смысла жизни без этого слова.

— А, ну-ну, тогда удачи вам, — усмехнулся дежурный в прокуренные усы. — Миша, голубчик, сопроводи товарища капитана.

Помощник Миша довел Катю лишь до середины внутреннего двора — передал с рук на руки кругленькому, бритому под ноль сверстнику из отдела дознания.

— Откуда такая птица? — донеслись до Кати их переговоры шепотком.

— Да из главка вроде.

— К кому?

— Да не поверишь — к мегере нашей. Вот умора! Ну, сейчас она ее встретит, сейчас угостит.

Кругленький и бритый довел Катю тоже не до самого кабинета:

— Сюда, в этот вот флигель. Вон шестая дверь в конце.

— А что, у вас ремонт, что ли? — спросила Катя. — Следователи ведь, кажется, раньше вон там, вместе с экспертами сидели?

— А там ремонт второй год, — вздохнул дознаватель. — То крыша текла — чинили, то полы перестилали, то стены шпаклевали. Потом потолки белили. Потом Интернет тянули, связь, теперь не знаю, что и делают.

— Совершенства, наверное, добиваются.

— Угу, наверное. Трехнешься с этим ремонтом. Вон туда вам, стучите громче. Не бойтесь.

Катя постучала в дверь шестого кабинета. Открыла.

— Выйдите. Не видите, я занята!

Голос Марьяны Катя сначала даже и не узнала. Резкий, огрубевший от сигаретного дыма, раздраженный до крайности. Марьяна сидела за столом, заваленным бу-

магами. Что-то, низко наклонившись, писала. На плечи наброшен милицейский китель — в кабинете было прохладно. Напротив нее за столом сидел молодой парень — тоже бритый, как и провожатый-дознаватель, однако не совсем налысо. На его макушке фантазией парикмахера был оставлен островок густых темных волос, слепленных при помощи геля-фиксатора в причудливый «ирокез» дыборком.

— Я сказала, закройте дверь! — повысила голос Марьяна, оторвалась от своей писанины, увидела Катю в дверях и...

— Ты? Приехала? Катька, Катюшка! Проходи, я сейчас. — Марьяна встала, взяла телефонную трубку: — ИВС? Мамонтова заберите, я позже с ним продолжу.

Буквально через секунду в кабинет заглянул, как-то слишком робко для конвоира, милиционер, вывел обладателя хитрого «ирокеза».

— Я советую вам, Мамонтов, подумать над своим положением, — ледяным тоном выдала Марьяна ему в качестве напутствия. — Все, что вы тут мненесли, — это бред и вранье, которое я даже не собираюсь заносить в протокол. Я очень советую вам сказать правду.

— А я лгуном сроду не был, — мрачно, чрезвычайно даже мрачно и нелюбезно парировал Мамонтов.

Мягко закрылась за ним и его конвоиром дверь.

— Катюша, ты молодчага! Хоть одно нормальное человеческое лицо в этом зоопарке! Садись, ты что стоишь? Садись, отдыхай. Сейчас проветрим после этого гоблина, воздух свежий впустим. — Марьяна скинула в мгновение ока туфли, легко и проворно вскарабкалась на стол, заваленный бумагами. Потянулась к фрамуге окна, причем наступила на исписанные протоколы.

— Осторожно, помнешь, — улыбнулась Катя.

Стоя на столе, Марьяна пнула ногой кипу протоколов, неподшитых экспертных заключений, копий отдельных поручений, характеристик.

— Вот, вот и вот! — Дернула за веревку — фрамуга с грохотом отвалилась вниз, впуская в кабинет прохладный майский ветерок. — Молодец, что приехала. И правильно, что без звонка. Позвонила бы вчера — я бы сказала: не надо, не приезжай.

— Вот так раз. Не хочешь меня видеть?

— С ума сошла? Конечно, хочу. Сто раз звонить тебе собиралась. Возьму трубку, даже номер до половины наберу и брошу.

— Почему? — Катя вглядывалась в лицо Марьяны. — Ну, почему?

— Потому. — Марьяна спрыгнула на пол. — Mamочки, колготки зацепила. Гадство какое, новые, сегодня только надела. Потому что знаю наперед все, что ты будешь мне говорить. Все, все, все знаю.

— А вот и не знаешь. — Катя уселась на стул. — Но это потом, позже. Мне тоже надо с духом собраться. А пока... Я ведь к тебе приехала по поводу случая в «Парусе». Что-то там совсем непонятное с этим потерпевшим Авдюковым.

— А что там непонятного? — Марьяна пожала плечами. — Сдох и сдох мужик. И черт с ним, и никто не заплачет. Одним самцом меньше, одним больше.

Катя внимательно посмотрела на подругу. В Марьяне, которую она знала так давно и так близко, что-то разительно изменилось. И дело было не во внешности, хотя Марьяна кардинально изменила прическу — зачем-то отрезала свои густые длинные волосы, которые, помнится, так любил распускать ее муж Максим, сделала в местном салоне красоты модную «креативную» стрижку, открыв шею и уши. Перемены были в другом — в манере разговаривать, двигаться, реагировать на вопросы. Даже улыбка у нее стала какой-то иной — немного вымученной и чуть-чуть злой.

— Мне показалось, что это не рядовое происшествие и что из этого можно будет сделать неплохой матери-

ал. Интересный читателям, — скромно пояснила Катя. — Но знаю я крайне мало. В сводке было написано, что этот Авдюков умер по дороге в больницу прямо в «Скорой». А как получилось, что это дело попало к тебе?

— Я просто дежурила сутки. В полшестого утра меня из дома подняли — телефонограмма из больницы поступила. Дежурный, недолго думая, решил, что налицо тяжелое причинение вреда здоровью со смертельным исходом, то есть наша прямая подследственность. Хотя тогда еще толком ничего было не ясно.

— А в телефонограмме из больницы указывалась причина смерти?

— Там было написано — «подозрение на отравление». — Марьяна достала сигареты из ящика стола, протянула Кате, та покачала головой: «Нетушки, мерси». — К тому же, когда утром мы приехали в «Парус» с экспертом, обнаружилась некая подозрительная бутылочка.

— Неужели фальшивая водка? — разочарованно спросила Катя. — Отравился подделкой?

— Катенька, дорогая, ты видела «Парус»? — спросила Марьяна.

— Конечно, видела, мы с тобой видели, когда по озеру нас Макс, твой муж... катал. Тогда, давно еще, — Катя отчего-то смутилась. Ой, не надо было про мужа. Бог с ним совсем, с мужем этим. Это называется соль на рану сыпать. — Место шикарное.

— Потерпевший Авдюков снимал в «Парусе» двухкомнатный люкс. В праздничные дни люкс стоит около пятисот долларов за сутки. Мужики, которые позволяют себе по полкуса за ночь кинуть вот так за здорово живешь, паленую дрянь не пьют.

— А что они пьют? — усмехнулась Катя. — Амброзию, что ли? Нектар?

— Дрянь пьют, только очень, очень дорогую. Иначе престижа нет и кайфа не словишь.

— А где та бутылка, что вы при осмотре обнаружили?

— Я ее как вещдок на химическую экспертизу отправила. По настоянию патологоанатома там и гистологию будут проводить. Хотя и без экспертизы можно сказать, что...

— Что? — спросила Катя.

Марьяна вздохнула, тряхнула волосами — эх, подружка, о чем мы толкуем? Что, у нас нет нормальных тем для разговора, что ли?

— И все-таки хорошо, что я приехала, — заметила Катя после паузы: — Давно бы мне надо сюда — не знала я, что тут все так запущено.

— Ничего не запущено, — Марьяна затынулась. Курила она, как индеец, — невозмутимо и живописно. — Все как раз понемногу расчищается. Приходит в норму.

— Он хоть с дочкой-то встречается? С Верочкой?

— Кто?

— Твой бывший муж. Максим.

— Нет.

— Что, ни разу? За полгода?

— Ни разу. У нее день рождения был, так и то не приехал. Водителя своего прислал с игрушкой. Куклу Барби ей подарил и азбуку говорящую на батарейках.

— А у него что, теперь и водитель свой есть?

— А как же? Есть. Начальнику управления по чину полагается.

Катя скривила губы — ах, начальнику, ага. Удивительное дело, некоторые мужчины прямо рождаются начальниками. словно некто неизвестный, но очень плодовитый откладывает такие личинки-яички, из которых вылупляются одинаковые номенклатурные куколочки среднего и старшего начальствующего состава. Макс Киселев вылупился из личинки начальником ГИБДД Щеголевского отдела внутренних дел. В то время, правда, у него еще не было персонального водителя. Он ко-

лесил по району за рулем раздолбанных милицейских «Жигулей» с мигалкой. И вскоре родной район со всеми его красотами показался ему тесен и мал — Киселев ушел на два года на высшие квалификационные курсы в Академию МВД. После успешного окончания его сразу двинули на повышение, но уже не в автоинспекцию, а в новую, недавно организованную Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков. И там он быстро занял место начальника управления.

Однако не Марьяне выпал жребий радоваться его молниеносному карьерному росту. После шести лет совершенно счастливого на первый взгляд, дружного брака Киселев неожиданно для всех ушел от Марьяны к другой. Она была студенткой пятого курса Финансового института, в свободное от лекций время снималась в рекламе шампуней, а ее отец, по слухам, владел в Подмосковье фабрикой, производящей эти самые шампуни.

— А с квартирой у вас как вопрос решился? — спросила Катя. — Квартиру же вам вместе тогда дали.

— Квартира до сих пор служебной считается, отделовской. Он, — произнося это слово, Марьяна еще сильнее затянулась сигаретой, — мне ее вроде бы великодушно оставил. Точнее, разделить не мог, потому и оставил. Чтобы квартира стала моей, приватизированной, мне надо здесь, в следствии, отпахать еще три года. Уйти куда-то, даже, например, в главк, я не могу. Сейчас живем с Верочкой на одну мою бедную-несчастную зарплату. Хорошо еще родители, мой отец что-то подбрасывает — девчужке моей на фрукты, на игрушки, а то бы... Да, я забыла — он, конечно, как истый джентльмен, не забывает об алиментах. Отстегивает. Но я его денег не беру. Каждый раз отсылаю ему назад переводом.

— И он их принимает? — с любопытством спросила Катя.

— Нет. Он мне их переводом же возвращает. Так вот и общаемся.

— Может быть, тебе стоит ему позвонить, объяснить?

— Мне? Ему звонить? — Марьяна побледнела. — Да ты что?

— Ну, все-таки вы столько были вместе. И... и ведь вы так сильно любили друг друга. Без обмана. Я же видела. Он так тебя добивался, и ты тоже...

— Что я? Хочешь сказать — я дурой была, идиоткой, самкой безмозглой?

— Ты, пожалуйста, на меня не кричи.

— Я не на тебя кричу, я на себя кричу. За то, что тряпкой была все эти наши шесть совместных лет. Безвольной тряпкой. Поцелует меня, обнимет — и готово дело, растаяла, все простить готова. Среди ночи домой является, говорит, на работе задержался — а я ничего, я верю! Хотя какая, к черту, работа? Мы же в одном отделе служили, я про все авралы, про все ЧП знала. А тут и аврала нет, а он где-то до двух часов кантуется. И в выходные тоже — раз и слиняет. Опять вроде бы на работу. Операция «Трасса» у него, видите ли, в самом разгаре. А я с Веркой в зоопарк тащусь белых медведей смотреть... И все верю, все верю ему. А когда в Москве в академии учился, вообще... Ты думаешь, я его виню? Я себя виню в сто раз больше. Ведь я видела, когда он за мной бегал, — бабник он, бабник страшный, но... Все думала — я такая неотразимая, необыкновенная, уж я-то удержу его, привяжу к себе. Смогу, раз смогла так увлечь. А он... он просто охотник по натуре. Охотник на баб. И подлый предатель, — Марьяна смяла сигарету в пепельнице. — И предательства я ему никогда не прощу. Ты знаешь, он после академии полгода в Чечне был. Сам вызвался, добровольно.

— В Чечне? Ну, он трусом никогда не слыл.

— Трусость для будущей генеральской карьеры губительна — отсюда и вывод соответствующий. Он когда туда отправлялся, я его к поезду провожать пошла. И эта

туда явилась, пассия его, представляешь? Он только-только жить с ней начал. Там я ее впервые и увидела. И поняла, что на тот момент уже она ему жена, подруга боевая, а не я. И знаешь, что я тогда подумала?

— Марьяна, довольно, давай не будем.

— Нет, я хочу, чтобы ты знала. Я подумала: а вдруг так случится, что он не вернется. И как это будет хорошо. Как справедливо.

— Это несправедливо, Марьяна.

— Нет, справедливо. По отношению к нашему ребенку справедливо. Потому что пусть лучше моя Верка вырастет с мыслью, что ее отец погиб как герой, чем она будет знать, что он бросил ее, предал ради какой-то смазливой сучки!

— Марьяна, ты...

— Я его ненавижу, понимаешь? До дрожи, физически ненавижу. Я их всех ненавижу. Они все одним миром мазаны. Думаешь, твой Вадька другой?

— Он... Он другой, — сказала Катя.

— Ха! Свежо предание. Где он сейчас, ну где?

— В отпуск уехал.

— Вот так-то. В отпуск, без тебя.

— Да они с Серегой Мещерским в горы отправились на Иссык-Куль с группой. Экстремальный туризм.

— Это он тебе так говорит.

— Ну уж нет, я сама знаю.

— Ладно, — усмехнулась Марьяна. — Спи, пока спится, смотри сны розовые. Я это так, к слову. За другими примерами тоже недалеко ходить. Вот ты про этого хмыря спрашиваешь.

— Про какого хмыря? — насторожилась Катя.

— Да про Авдюкова — потерпевшего. Думаешь, он там, в двухместном люксе, один был? А ведь у него жена, дочь взрослая.

Марьяна достала из ящика стола тоненькую папку уголовного дела с еще не подшитыми документами.

— На, читай, вникай.

Катя просмотрела бумаги — постановление о возбуждении уголовного дела, протокол осмотра места происшествия, объяснение некой гражданки Мизиной, горничной отеля «Парус», список сотрудников дежурной смены второго корпуса, постановление о назначении химической экспертизы. Взгляд Кати наткнулся на описание предмета, отправляемого на экспертизу: «бутылка 0,5 литра из-под минеральной воды «Серебряный ключ» с остатками неустановленной жидкости с резким запахом».

— Что же все-таки произошло в ту ночь в «Парусе»? — спросила она, стараясь поставить точку в той, прежней, такой болезненной для Марьяны теме. — Отчего умер этот Авдюков? Расскажи мне все по порядку, что ты сама там видела.

— Я дежурила сутки. После праздников, как всегда, — сумасшедший дом, ты же знаешь, — Марьяна брезгливо поморщилась. — Разбираться надо было со всем этим зверинцем, с теми, кого за выходные задержали. Я из ИВС до вечера не выходила, потом то в прокуратуру, то к судье на всех парах за санкцией на арест. Домой меня во втором часу ночи на дежурной машине отвезли. А в полшестого уже подняли. Из-за телефонограммы. Патологоанатом приехал — его наш дежурный тоже поднял по тревоге. Посовещались мы с ним — он у нас дедуля-пенсионер, сорок лет стажа, собаку съел в таких делах. Отправился сразу в морг, тело осматривать. Ну а я с оперативниками поехала в «Парус».

Встретил нас начальник тамошней охраны — его из дома вызвали. Сначала непонимание полное разыгрывал: мол, в чем дело, мы ничего не знаем, ничего криминального, просто клиенту плохо стало — эпилептический припадок. Тут мое начальство дражайшее примчалось — дежурный всех под ружье поставил. Потерпевший оказался человеком в области не последним —

отсюда и переполох. Пропустили нас на территорию «Паруса». Повели в главный корпус, в двести второй номер, который снимал Авдюков. И знаешь, — Марьяна прищурилась, — я, когда там по коридору шла, уже чувствовала — что-то не так, нечисто. Напуганные какие-то все до смерти.

На этаже в ту ночь было занято всего три номера — клиенты уже разъехаться успели. А эти, которые остались, они не спали — в такую рань и не спали, понимаешь? Дамочка ко мне там пожилая подошла, оказалось, что это жена Оловянского — артиста, ну наверняка помнишь его — сколько фильмов было с ним старых. Сам-то он парализованный, в инвалидном кресле, а жена — такая разговорчивая старушка. «Вы не представляете себе, — сказала она мне, — что мы тут пережили, как мы все испугались. Эти жуткие крики, словно из ада. У меня кровь в жилах застыла, когда я услышала, как он кричит». Горничная Мизина, дежурившая в ту ночь по этажу, тоже словно не в себе была от испуга, тряслась, как овца. В общем, налицо у всех полный шок от происшедшего.

— А в номере что было? — спросила Катя.

— В номере был хаос полнейший. Оно и понятно — врачи, «Скорая». Они ему первую помощь на месте пытались оказать, потом на носилки погрузили. Когда мы с экспертом туда вошли — свет горел, постель была скомкана, одежда разбросана тут и там. В ванной на полу мокрые полотенца — видимо, там принимали душ перед сном. В шкафу только мужские вещи — этот Авдюков приехал отдыхать на два дня с полным багажом. В гостиной на журнальном столе валялся его бумажник, визитки, ключи от машины. Деньги целы — весьма крупная сумма была в бумажнике. И часы его были целы — золотые, швейцарские. Он, видно, как их снял перед сном и на столик положил, так они там и лежали. В гостиной на ковре были следы рвоты. Потом горничная Мизина показала, что нашла Авдюкова лежащим именно на полу.

Видимо, он встал с кровати и пытался добраться до двери, позвать на помощь, но не успел. Упал.

— А дверь номера, значит, была открыта? — удивленно спросила Катя.

— Выходит, что открыта.

— Обычно в гостиницах клиенты на ночь дверь номера запирают на ключ. Тем более когда на столе оставлены золотые часы и бумажник с деньгами.

— Там было и еще кое-что странное, — усмехнулась Марьяна. — Не только эта не запертая на ключ дверь. Мы проверили по базе данных отеля — Авдюков заказал номер на себя и на некую гражданку Олейникову. Как позже выяснилось — это не кто иная, как его личная секретарша. С этой Олейниковой они и проводили в «Парусе» время. А на момент того, как горничная обнаружила Авдюкова на полу умирающим, этой самой Олейниковой Юлии в двести втором номере не оказалось. Там не было и ее вещей — по крайней мере, я ни одной женской вещи там не обнаружила.

— А куда же она делась, эта секретарша? — удивленно спросила Катя.

— Это было первое, что мы и пытались выяснить в то утро. Мы допросили охрану на въезде: машину Олейниковой — у нее серебристая «десятка» — видели выезжающей с территории «Паруса» примерно около часа ночи.

— Вы ее отыскиали? Допросили?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что для допроса мне необходимо дождаться точных данных химической экспертизы, — ответила Марьяна, — а она будет готова лишь сегодня после обеда.

— Ты там что-то нашла, в номере, да? Что-то необычное? — спросила Катя. — Эта бутылка — что в ней такое было? Яд?

— Что было, что было... Я бы ее, наверное, не на-

шла, если бы под кровать не заглянула. Бутылка случайно или не случайно закатилась глубоко к стене. С виду — самая обычная пластиковая бутылка с этикеткой. На самом дне — остаток в несколько капель прозрачной жидкости. И резкий запах, который просто нельзя не узнать.

— Бутылка была открыта? А пробку от нее ты нашла?

— Пробка лежала на тумбочке рядом с кроватью. Там такой мельхиоровый подносик стоял, початая бутылка шампанского, бутылка коньяка, пустой фужер — в нем пробка и лежала. А бутылка из-под минеральной воды «Серебряный ключ» валялась под кроватью. И знаешь, чем из нее разлило?

— Чем? — тихо спросила Катя.

— Уксусной кислотой, — ответила Марьяна. — Я, конечно, не эксперт, но это, без всякого сомнения, была точно она. Кислота.

— Отпечатки пальцев на бутылке были?

— Конечно, были. Причем свежие.

— Чьи?

— Потерпевшего Авдюкова.

Катя посмотрела на Марьяну.

Тут в кабинете резко и настойчиво зазвонил телефон — красный, внутренней связи.

— Да, я слушаю. Да, я помню, когда истекает срок задержания. — Марьяна разговаривала с кем-то крикливым и раздраженным голосом. — Я буду добиваться содержания под стражей до суда. Да, я уже созвонилась с судьей. Извините, но о своих прямых обязанностях я никогда не забываю, это не в моих правилах. Начальник разоряется, — пояснила она Кате гораздо более мирным тоном. — Это по делу этого Мамонтова, которого ты видела. У него в десять вечера срок задержания истекает.

Кате после всего услышанного было не до какого-то там чудака с «ирокезом» на башке. Поэтому она спроси-

ла чисто машинально, целиком поглощенная мыслями о зловещей бутылке:

— А что он такого натворил?

— Человека чуть не замочил, вот что. Злостное хулиганство, покушение на убийство и в результате огнестрельное ранение. Сукин сын, еще врет, изворачивается. — Глаза Марьяны презрительно сверкнули. — Данте-са из себя разыгрывает. Ты извини — мне надо с его допросом закончить. Посиди здесь, пока я с ним разберусь, ладно? Потом пообедаем у меня, а там и результаты экспертизы будут готовы. От них и будем отталкиваться. Решать, что делать дальше.

Меньше всего Кате хотелось сейчас обрывать тоненькую, хрупкую ниточку, потянувшуюся из «Паруса» в этот тесный сумрачный кабинет. Отвлекаться на каких-то там дурацких хулиганов сейчас просто грешно! Но Марьяна была следователем и самой себе не принадлежала. Помимо дела, так интересовавшего Катю, у нее были в производстве и другие уголовные дела. И они не могли ждать. С этим приходилось мириться, как с досадными издержками. И когда конвоир снова вернул в кабинет хмурого обладателя «ирокеза», Катя восприняла это как неизбежное зло.

Она и представить себе не могла, чем обернется для нее это неожиданное знакомство с подследственным Василием Мамонтовым.

Глава 4

СУД ЛЮБВИ

Окно комнаты на семнадцатом этаже многоквартирного панельного дома смотрело на юг, тюлевые шторы были раздвинуты. На подоконнике сидел полосатый сибирский кот и с напряженным вниманием следил за воркующими на соседской лоджии голубями. Голуби были

толстыми и глупыми, озабоченными вопросами размножения. И кот в глубине своей сумрачной кошачьей души страшно злился на них и жгуче завидовал: самого его эти вопросы давно уже не волновали. Он ведь был евнухом по прихоти хозяйки. Но голуби так безоглядно отдавались нахлынувшей страсти на чужом балконе и вообще выглядели так аппетитно, что коту стало обидно. Он выгнул жирную полосатую спину и мякнул басом.

— Не мешай. Иди на кухню, поешь лучше.

Кот вздохнул: вот так, сразу «не мешай, лучше поешь». А чего поешь? И так уж поперек шире становишься. В унитаза вон лезешь чинно-благородно справиться естественные надобности, на трех лапках балансируя, так скользишь, падаешь, брюхо сытое-пресытое вниз перевешивает. И чем это ей, разлюбезной хозяйке Зинаиде Алексанне, помешать можно? А куклам этим ее — мешай не мешай, так они все равно ни шиша не понимают. Бездушные твари из папье-маше и пластика. Лизнешь — а на вкус такая гадость, такая гадость, мяу-у-у!

— Уйди вон, Батон!

Кот Батон прыгнул с подоконника и вразвалочку заковылял на кухню. В дверях презрительно оглянулся: на мягком синем диване царствовали куклы.

Это были необычные куклы — полуметровые, в ярких костюмах. Одна из кукол изображала рыцаря в латах, с мечом и в шлеме с забралом. Латы были из жести, но так блестели, что казались серебряными. Меч был тупой, игрушечный, а забрало постоянно падало вниз, скрывая лицо кукольного рыцаря. Другая кукла изображала даму — прекрасную похитительницу сердец. Кукла была задорной и лукавой, и привлекала взоры пестрым изяществом своего наряда. Платье куклы, сшитое по всем правилам средневековой моды, было из голубого бархата и белого атласа. Головку венчал сложный парчовый тюрбан, расшитый серебром, плечи окутывала ву-

аль. В левой поднятой ручке дама держала розу из белых обрезков шелка.

Третья кукла изображала мавра в желтых, шитых золотом одеждах. Мавр был черен, как уголь. У него отвинчивалась голова. И сейчас она как раз и была отделена от туловища — лежала на диване рядом с кукольным телом, улыбалась красными губами, демонстрируя полное равнодушие ко всему происходящему.

Кот Батон не терпел кукол — кто бы ни пришел в гости к его хозяйке Зинаиде Александровне, тот сразу же обращал на них свое внимание: «Ой, какие красивые! Откуда такие?» Кот уже сорок раз слышал, как хозяйка рассказывала гостям одну и ту же историю: как она ездила с друзьями в Италию, как потом друзья срочно из Рима вернулись в Москву, а она поехала на Сицилию провести неделю на море. Как отправилась вместе с группой туристов смотреть гору Этну и городок Таормину, и как там во время похода по сувенирным магазинчикам ей и попались эти чудесные куклы — все три.

Хозяйка обычно добавляла: на Сицилии такие куклы очень популярны. Их покупают в качестве талисманов на свадьбу, разыгрывают из них целые представления средневекового рыцарского эпоса на самые разные темы — о войне с маврами, о походах Карла Великого. Представляют и «суды любви» — изящные средневековые интермедии, прямо на ходу сочиняя куртуазные диалоги. И тогда куклы как настоящие актеры двигаются, потому что все члены у них на шарнирах, и оживленно разговаривают.

Вот и сейчас: «Что больше дает любовь? Радостей или страданий?» — это насмешливо спросила безголовая кукла-мавр — кот Батон услышал это собственными чуткими ушами.

— Печален тот, кто в одночасье теряет все, составлявшее его счастье и отраду, — грустно заметил рыцарь.

— Еще недавно я имела в своей власти того, кого

любила страстно. Но его уже нет со мной. Он забыл меня ради другой, — пожаловалась дама.

Кот уселся столбиком на пороге комнаты: охо-хо, грехи наши на веревочке... Эти дураки, наверное, думают, что это они болтают всю эту околесицу. Дудки! Он, кот, знает, видит: говорит за всех этих кукольных болванов сама хозяйка. Точнее, читает по книжке. Протянет руку, придаст той или иной кукле нужную позу и снова читает.

Кот в глубине своей сумрачной кошачьей души считал всю эту кукольную комедию полной ерундой. Но он был привязан к хозяйке и прощал ей эту маленькую слабость — а, пусть ее играет, забавляется. Она женщина одинокая, свободная. Скучно ей, вот и блажит.

Если бы на работу ходила каждый день — оно, понятно, было бы не до игрушек. А тут и ходить не надо — во-первых, возраст уж не юный, а зрелый. Во-вторых, средства на жизнь квартира дает. Ха-арошая квартира! Не где-нибудь расположенная, а в самом знаменитом доме в Козицком переулке, где на фасаде одних мраморных мемориальных досок штук пятьдесят, наверное. В прошлом эта пятикомнатная квартира с огромной гостиной и четырехметровыми потолками принадлежала матери хозяйки — знаменитой оперной певице, солистке Большого театра. А сейчас сдается английскому дипломату — с антикварной мебелью, с видом из окон на старую Москву. Хозяйка же обитает здесь, в спальном микрорайоне, в двухкомнатной квартире своего покойного мужа. На полторы тысячи баксов в месяц, которые платит ей английский дипломат в качестве арендной платы, можно жить не нуждаясь, раз в год ездить отдыхать за границу и разыгрывать на диване кукольные представления.

— Ах, я, наверное, умру от горя и любви! — простонала дама и заломила кукольные ручки.

— Прекрасная госпожа, вы не одиноки в своем горе.

И у меня тоже была возлюбленная. И она тоже покинула меня ради другого, кого я охотно убил бы своими собственными руками! — гневно воскликнул рыцарь.

— Да, мы с вами друзья по несчастью. Но... если вы не против, есть одно средство отомстить нашим злым обидчикам, — сказала дама.

— Какое же средство? — спросил рыцарь.

— Мы можем соединить наши сердца и превратить наше горе в радость... в наслаждение! — Дама придвинулась к рыцарю, переступив через голову мавра.

Кот следил за дальнейшим с брезгливым любопытством. Ага, на этот раз такая развязка пьески. Что ж, занятно, свежо...

— О, доблестный рыцарь, — прошептала дама после, — ваша любовь... ваша страсть, как вулкан... Она так сладка на вкус, так горяча... Я не буду больше вспоминать о прошлом, потому что...

— Да, да, мы не будем вспоминать о прошлом, — прошептал рыцарь.

— Так все-таки, — спросила отвинченная голова мавра, — что же больше дает любовь — радостей или горя?

Ответа на этот вопрос кот так и не услышал — зазвонил телефон. Куклы замерли на своем диване, а хозяйка Зинаида Александровна, отбросив книгу, запахнув махровый халат, кинулась искать трубку. Телефонная трубка вечно куда-то исчезала и обреталась вновь лишь после долгих нудных поисков. Телефон настойчиво звонил.

— Алло, я, я, Нателлочка! Да как всегда трубку теряю. Ну что? Как Светка?

Кот сразу догадался: хозяйке звонит ее старая подруга Нателла Георгиевна Усольская. Приятная дама — всегда, когда приходит, не говорит: «Брысь, Батон, не вертись под ногами», а наклонится, погладит ласково, почешет за ушком. Возьмет на колени. И никогда не ру-

гается, даже когда от полноты чувств начинаешь когтить ей новые колготки...

— Очень плохо. Я позвонила, разговаривала с тетей Пашей. Света лежит пластом, к телефону не подходит, — голос Нателлы Георгиевны звучал в трубке скорбно.

— Можно понять, что она сейчас, бедная, переживает, — тихо сказала Зинаида Александровна. — Потерять мужа...

— Тетя Паша сказала — им звонили из милиции насчет его вещей. Что-то можно забрать уже сейчас. Светлану вызывают к следователю, как жену... То есть вдову. Естественно, одна она туда ехать в таком состоянии просто не может.

— Ну, естественно, — согласилась с подругой Зинаида Александровна. — Я поеду с ней. Попрошу Варлама, он, добрая душа, нас подвезет.

— Насчет похорон надо хлопотать. Надо же — столько дней прошло, а тело не выдают, — сказала Нателла Георгиевна.

— Ну, им виднее. Значит, так нужно, такой порядок, они обязаны соблюсти процедуру, — Зинаида Александровна вздохнула. — Да, вот жизнь человеческая... И был, и нет. Сама-то ты как?

— Я как обычно, — Нателла Георгиевна помолчала. — Голова болит — к погоде, видно. Я потеряла бумажку, где записала лекарство, про которое ты говорила...

— Каптокарт.

— Как-как?

— Кап-то-карт. Я тебе привезу, не волнуйся. Вечером созвонимся — может, Света немного отойдет, поговорит с нами... Ну все, пока, целую.

Зинаида Александровна опустила руку с телефонной трубкой. Кот ждал, когда она обратит на него свое внимание. Разговоры с подругами — разговорами, а он то-

же, знаете ли, живое существо, член семьи. Зинаида Александровна сидела неподвижно, о чем-то думала — печальном, невеселом. Куклы — рыцарь и дама, — прислоненные к спинке дивана, были безучастны ко всему, как мертвые.

Кот не выдержал — мяукнул, подошел к ногам, потерся головой о шерстяные тапочки Зинаиды Александровны.

— Отстань, Батон, не до тебя тут...

Кот взглянул на нее — не понял. Так мне отстать? Но, противореча самой себе, как все женщины, Зинаида Александровна порывисто нагнулась, подхватила кота на руки и уткнулась лицом в его теплое полосатое тельце. Батон блаженно замер, шуря желтые умные глаза. Он знал — иначе и быть не может. Это вам не какие-то сицилийские проходимцы, слепленные из прессованных опилок и раскрашенные на потеху уличного балагана!

Глава 5

ДУЭЛЬ

Ввели Мамонтова. Марьяна, как отметила Катя, даже не повернула в его сторону головы, продолжала деловито набирать что-то на компьютере, задумчиво смотря в монитор. Катя уткнулась в дело Авдюкова: помимо протоколов и копий отдельных поручений, там было несколько листовок-памяток с записанными рукой Марьяны телефонами и фамилиями. «Авдюкова Светлана Петровна, жена потерпевшего, — прочла Катя, — сорок девять лет, домохозяйка, проживает: Щеголево, коттеджный поселок «Радуга», владение № 10. Авдюкова Алина Владленовна, дочь потерпевшего, 19 лет, живет в Москве, студентка второго курса — какого института, надо прояснить. Усольский Орест Григорьевич — тот, кто звонил и приезжал сразу, как только дело поступило ко

мне. Компаньон Авдюкова по бизнесу, мужик на вид лет пятидесяти — настоящий павлин, любит себя как перед зеркалом. На первый взгляд известием о гибели компаньона убит наповал. Растерян, хотя ни на минуту не забывает о том, какое впечатление производит. Прояснить для себя данные о компании «Стройинвест», которой он владел совместно с Авдюковым. По словам Усольского, разрабатывают какие-то песчаные карьеры — какие карьеры, где? Строят дороги».

Пометки заканчивались адресами и телефонами. Тут же, в списке, отчеркнутые красным фломастером, стояли фамилии Мизина с пометкой «горничная» и Лосев с пометкой «дежурный охранник, оставшийся на рецепции в главном корпусе «Паруса» в ночь происшествия».

— Ну как, Василий, понравилась вам новая камера?

Катя оторвалась от записок — Марьяна выключила компьютер и обращалась теперь исключительно к Мамонтову. Тот сидел на стуле сгорбившись. Вид у него был как раз такой, какой и бывает после нескольких суток предварительного задержания — не крутой и совсем не грозный, но еще не потерянный, не сломленный злодейкой-судьбой окончательно.

Причудливый «ирокез» на голове и тот как-то поникий, сбился набок. Катя прикинула: этому Мамонтову, должно быть, лет двадцать шесть. Все бы ничего — мощная шея, плечи, грудь выпуклая, накачанная, да вот рост парня дико подвел — маленький рост. И в результате все вместе — дерзкий взгляд, белесые ресницы, молочная свежесть, нежная, как у девушки, кожа, краснеющая по малейшему поводу, татуировка на левой руке в виде дракона, обвинившего клинок, производят довольно-таки забавное впечатление.

— Я спрашиваю — камера понравилась? — повторила Марьяна.

— Чего там может нравиться, бомжары какие-то со-

седи, — буркнул Мамонтов хмуро. — Один дохает, кашляет. Второй, наверное, год не мылся. Третий вообще псих, ему в Кашенко место.

— Да, перевели вас в пятую не совсем удачно, — согласилась Марьяна. — Я же вас предупреждала — тут не курорт и мало не покажется. Кстати, у того, кто, по вашему меткому выражению, «дохает» — туберкулез в открытой форме. Мы дважды в спецприемник обращались — так они его у нас не берут, там все места заняты. А у этого, который попахивает изрядно, — у него, по моему, чесотка. А третий действительно тяжелый случай — он экспертизы дожидается психиатрической. У него склонность к половым извращениям, так что вы начеку будьте, Василий, особенно ночью, а то не ровен час...

— Что не ровен час? — глухо спросил Мамонтов.

— Ну, вы не дитя, понимать должны — с психа-то какой спрос, правда? Говори потом — спал, врасплах меня застали.

Мамонтов поднял голову. Катя встретилась с ним взглядом — брр, молнии сверкают, электрические разряды — хоть батарейку подзаряжай. И что это Марьяна с ним так? Он ведь все за чистую монету принимает, у него вон кулаки сжимаются. А кулаки такие, что...

— Я к чему вас предупреждаю. — Голос Марьяны был олимпийски спокоен. — В такой вот компании при том раскладе, который вы мне даете, так упорно настаивая на своих показаниях, вы можете провести в камере не месяц и не два. Полгода, а то и больше. Пока экспертиза, пока потерпевший Буркин на ноги поднимется, из больницы выйдет. Пока срок следствия продлим, пока то-се. А там суд, а там тоже все очень не скоро. В общем, за такой срок всего можно хлебнуть — и палочку Коха, и вшей с чесоткой. И даже стать жертвой... как бы это по-деликатнее выразиться, чтобы вас не шокировать, сексу-

ального насилия психически неуравновешенного сокамерника.

— А вы меня не пугайте, я этих ваших ханыг не боюсь, — отрезал Мамонтов. — А в том, чего вы от меня добиваетесь таким паскудным способом, я все равно не признаюсь. Потому что все было не так.

— Хорошо, повторите кратко — вот у нас тут, видите, пресса присутствует, — Марьяна кивнула на Катю. — Что же произошло между вами и потерпевшим Олегом Буркиным в ночь на девятое мая текущего года?

— Да я сто раз вам повторял. У нас вышел конфликт. Причина чисто личная. Что, как, почему — это к делу не относится. — Мамонтов покосился на Катю. — Ну, мы с Олегом хотели выяснить все раз и навсегда, решили с ним стреляться. Это была дуэль по всем правилам.

Катя ждала чего угодно — в этом следственном кабинете на задворках маленького районного отдела милиции, — но только не призрака Черной речки.

— Продолжайте, — невозмутимо сказала Марьяна.

— Да, это была дуэль. Правда, у нас секундантов не было — пацаны уже пьяные были все в дым. Ну, мы с Олегом решили сами. Сели в машину, поехали на пруды. Там роща есть березовая, место тихое. Никто не мешает, не припрется. Светать уж начало. Мы оставили машину, пошли в лес. Там лужок есть такой, полянка, — Мамонтов вздохнул. — Отмерили десять шагов. Хотели вообще сначала через платок, но...

— Что же, неужели струсил? — спросила Марьяна ехидно. — Через платок — это нехило, Мамонтов!

— Никто не струсил, — Мамонтов прищурился. — Просто платка чистого в карманах не оказалось. А через грязный палить неэстетично. Отмерили десять шагов, барьер обозначили, ну, и начали сходить на счет «три». Стреляли одновременно. Олег промазал в меня, я попал в него. Все. Потом к машине его волок, в яму какую-то с водой провалился... Отвез его в больницу.

— Слышала? — Марьяна обернулась к Кате. — Гусарская баллада, правда?

Катя смотрела на Мамонтова — вот тебе и «ирокез». Отчего-то она сразу поверила ему — уж больно велик был диссонанс между комической внешностью дуэлянта и тоном — мрачным, значительным, исполненным тайной гордости, каким он давал показания.

— Одно обидно, — Марьяна вздохнула, — все ложь от первого до последнего слова.

— Нет, это правда, — сказал Мамонтов. — Я правду говорю.

— Нет, это ложь. И не надо, не надо, Мамонтов, тут строить из себя. Не надо. Я в милиции не первый год. И таких, как ты, знаешь, сколько повидала? Думаешь, сказки про дуэль на присяжных в суде впечатление произведут?

— Ничего я не думаю — ни про суд, ни про присяжных каких-то. Не надо мне никаких присяжных, никакого снисхождения. За то, что ранил Олега, отвечу. Отсиджу сколько надо. Только все было так, как я говорю, это было не убийство, а дуэль. Честная дуэль.

— Это была пьяная, безобразная хулиганская выходка, — зло отрезала Марьяна, — вот что это было. Вы напились в баре «Охотник». Кроме вас с Буркиным, там было еще шесть человек, как установлено следствием. Фамилии зачитать?

— Не путайте их, пацаны ни при чем. Это с Мытищ пацаны приехали гулять на выходные, они вообще к нашему с Олегом делу касательства не имеют, — запротестовал Мамонтов.

— Они все допрошены — эти ваши пацаны с Мытищ. И все в один голос показывают, что конфликт между вами и Олегом Буркиным начался еще в баре около полуночи. Что вы оба были в сильной степени опьянения. Напились как скоты — что, не так, что ли?

Кате захотелось уйти, оставить их с глазу на глаз.

Конечно, Марьяна ее друг, она следователь, это ее дело, и может быть, действительно самая комическая внешность обманчива, и самый романтический, самый нескладный и косноязычный тон изложения показаний лжет, но... Но нельзя же так. Зачем вот так с ним?

— Ты куда?

— Я... Марьяна, мне надо позвонить, я не хочу тебе мешать.

— Звони отсюда, вот телефон, — Марьяна подвинула аппарат.

Кате ничего не оставалось, как остаться, нажать первые попавшиеся кнопки телефона — занято, занято...

— Кстати, насчет оружия, — Марьяна перелистала дело. — Этот самопал, который мы изъяли у Буркина... А где же ваш дуэльный пистолет? Куда он делся?

— Я его потерял. Он, наверное, выпал у меня из кармана, когда я в яму с водой ухнул по пояс, вместе с Олегом.

— Какое же у вас было оружие, если не секрет?

— Ну, это... такое же, как у Олега. Газовый пистолет, переделанный под боевой, — хмуро ответил Мамонтов.

— И где же вы его добыли — этот переделок?

— Ну, это... на рынке мы еще зимой два ствола купили на Митинском у мужика одного.

— Что, вместе с Буркиным покупали?

— Ну да.

— Зачем? Уже тогда — зимой планировали стреляться на дуэли?

— Для самозащиты. Ну, чтоб в кармане что-то было на всякий пожарный, когда на машине ночью едешь, когда в мастерской работаешь.

— Да, я и забыла, вы же с Буркиным — компаньоны, у вас тут в городе мастерская автосервиса, — кивнула Марьяна. — Значит, обороняться от нехороших людей покупали пистолеты?

— Да.

— От мафии, наверное, да? От конкурентов? Есть у вашего автосервиса конкуренты, враги? А случайно паленые машины к вам в мастерскую не пригоняют — номера там перебивать, курочить, перекрашивать?

— Я воровать не приучен. Олег тоже человек порядочный.

— Неужели? Что же вы этого порядочного-то чуть на тот свет не отправили? Ногу вон ему прострелили? Вот отнимут ему ногу по бедро, будет он инвалид — что тогда, а?

— Я... мы оба честно с ним рисковали. Это была дуэль. Он тоже мог меня убить.

— Не дуэль это была, Мамонтов, нет, совсем не дуэль. Вы напились и полезли в драку. Вас разняли — там, в баре «Охотник». Вы снова полезли в драку. Вас опять разняли. И выкинули из бара.

— Кто это нас выкинул? Ну, кто?

— Ну, наверное, охрана, это мы проверим. А дальше дело было так — вы с Буркиным сели в машину. Он был сильнее пьян, поэтому машину вели вы. Завезли своего приятеля в район деревни Луково. И там ваша ссора возобновилась. А так как у вас обоих были пистолеты, то... И дуэлью это не было. Буркин в вас не стрелял — он пьян был. Его в больницу-то вон каким привезли — он мать родную не узнавал. А вы были потрезвее, покрепче к водке. Поэтому вы оказались с пистолетом в руках, выстрелили в него и едва не убили.

— Ну, хотел бы я его убить, я б его там и бросил. Он бы кровью изошел вконец. А я его на плечах до машины тащил, в больницу отвез.

— Ну, это ничего не значит — возможно, вы испугались еще большей ответственности за содеянное, — усмехнулась Марьяна. — Кто вас, мужчин, разберет? Может, вам Буркин денег пообещал за то, что вы его до больницы довезете?

Мамонтов отвернулся. Когда он снова взглянул на Марьяну, выражение его лица уже совсем не понравилось Кате — ой, что-то сейчас будет. Пойти, что ли, кликнуть конвой ИВС?

— Ты зачем тут сидишь? — тихо спросил он. — Ну скажи, ответь — зачем?

— Здесь вопросы задаю я.

— Вопросы... Знаешь, кто ты есть? Сказать?

— Ну, скажи, — Марьяна смотрела на Мамонтова. — Только жалеть не будешь потом, а? Слово не воробей.

— Ты... вы... оборотни вы тут все, понятно? Оборотни. Твари! — Мамонтов поднялся со стула. — Оборотни, а не люди.

Марьяна тоже резко поднялась — ее словно пружинной подбросило. Она шагнула к Мамонтову, приблизилась вплотную.

— Знаешь, зачем я здесь? — спросила она.

Мамонтов, видно, не ожидал, что она окажется так близко, рядом — Катя увидела, как лицо его вспыхнуло предательским румянцем. У Марьяны были чудесные духи.

Она протянула руку, схватила Мамонтова за куртку, за грудки, резко рванула к себе, приближая его лицо к своему лицу.

— Знаешь, для чего я здесь? — прошипела она. — Чтоб такие, как ты, подонки, лгуны, небо не коптели, понял?

Она с силой оттолкнула его к стене. Катя не ожидала от хрупкой Марьяны ни такой силы, ни такой ярости. Не ожидал и Мамонтов. Толчок был ему, понятно, как слону дробина, но он все же растерялся.

Вмешиваться сейчас было ошибкой. Но и не вмешиваться уже было нельзя — иначе неизвестно чем кончился бы этот допрос. Но Катя не успела что-то предпри-

нять — в кабинет заглянул дежурный, тот самый, помянул Марьяну, озабоченно зашептал ей что-то на ухо.

— Мамонтов, сядьте на место, — бросила Марьяна. — Иван Михалыч, — попросила она дежурного, — пригласите конвой, я сама должна с ним переговорить. Катя, побудь здесь, мне надо в дежурную часть.

Она забрала чистый бланк протокола допроса, набросила на плечи китель и вышла из кабинета после того, как туда вошел конвойный.

Прошло пять минут, десять. В кабинете было тихо — муха пролетит. Конвойный поставил свободный стул так, чтобы он загородил дверь, сел, вытянул ноги.

— А погода ничего, — сказал он, обращаясь к Кате. — Какое лето синоптики прогнозируют, не слышали?

— Еще в марте слышала приметку — лето будет кислое: дождливое, теплое и грибное.

— Ну и ладно, лишь бы не сушь, как в позапрошлом году, когда леса-то горели, — кивнул дежурный. — Лишь бы не ураганы. Тогда, в позапрошлом-то году, когда буря-то была сильная — крышу с отдела сорвало. Только-только ремонт сделали, металлочерепицей покрыли, все смело подчистую.

— Да вас хоть бы тут всех в пыль, по камешку разметало! — буркнул Мамонтов.

— Но-но, без комментариев, — сказал конвойный, — не с тобой разговаривают.

— Это правда была дуэль? — спросила Катя.

Мамонтов мрачно молчал.

— Нет, ну правда?

Он усмехнулся — усмешка была презрительной.

— Ну, все-таки? — не унималась Катя.

— А вы что — из газеты? — спросил Мамонтов.

— Да.

— Ну, и какое впечатление у вас?

— От вашей беседы со следователем? Плохое у меня впечатление.

— А, плохое? Ну-ну, а я думал, нравится вам, как она меня тут мордует.

— Это называется психологический прессинг, — заметила Катя.

— Это? Прием, что ли, такой?

— Угу, не слишком удачный, — сказала Катя. — Но и вы должны сделать скидку на то, что...

— Как собака бешеная на меня кидается, — хмыкнул Мамонтов. — И че я ей такого сделал? Лично ей? Ведь ничего не сделал. Наоборот, думал, следователь — женщина, девушка молодая, поймет меня... Месячные, что ли, у нее в разгаре, а?

— Но-но, разговоры, — снова прикрикнул конвойный. — Забыл, где находишься?

— Вы должны сделать скидку на то, что... может быть, вы сами виноваты, что ваш рассказ про дуэль не внушает доверия. — Катя тщательно подбирала слова. — Не внушает Марьяне Ивановне, как следователю, доверия.

— Ну, а как я могу еще рассказать? Как было, так и говорю.

— Про дуэль — правду говорите. А вот про оружие, про пистолеты — врете. Купили на Митинском рынке у неизвестного мужика зимой... курам на смех это, — вздохнула Катя.

— Что, так заметно со стороны?

— А вы как думали — конечно, заметно. А раз этому рассказу нет доверия, значит, нет доверия и тем вашим правдивым показаниям.

— Ну ладно, пусть. Иного про стволы я все равно не скажу. Не могу, — Мамонтов вздохнул.

— А из-за чего у вас с этим Буркиным Олегом дуэль-то была? — с любопытством спросила Катя.

— Личные мотивы. Сугубо. — Мамонтов вытянул губы трубочкой, словно готовясь дудеть в боевую трубу.

— Может быть, из-за ревности? Из-за женщины?

Катя спросила это навскидку — а из-за чего в прошлом-то стрелялись на Черной речке господа гвардейцы? По тому, как он снова густо покраснел, она поняла — попала сразу и в точку.

— Надо, чтобы Буркин, ваш противник, на очной ставке, которая обязательно состоится, подтвердил полностью ваши показания, — сказала она.

— Олег в больнице. Черт, а вдруг ему и правда ногу отрежут?

— Вы куда ему попали?

— Сюда, — Мамонтов показал на бедро. — Целился-то мимо, эх... А вот попал. Рука дрогнула. Мы, правда, пьяные были. Немножко выпили.

Зазвонил телефон — красный, без кнопок, внутренний. Катя поколебалась — кабинет-то все же чужой, — но потом сняла трубку.

— Катя, пожалуйста, — услышала она нервный голос Марьяны, — скажи конвойному, пусть пока этого урода снова в камеру отправит. Тут ситуация внезапно изменилась. Я сейчас вернусь — мне кабинет нужен чистый, без него.

— А что случилось? — спросила Катя.

— Сейчас увидишь. Только этого мне не хватало!

Шум, возгласы во дворе отдела — Катя прилипла к зарешеченному окну кабинета и оторопела: через настежь открытые ворота во внутренний двор въехала машина «Скорой помощи», сопровождаемая дежурным, его помощником, Марьяной и каким-то высоким незнакомцем в деловом костюме и темных очках. Перед флигелем, где сидели следователи, «Скорая» развернулась, распахнулась задняя дверь, и двое дюжих санитаров в синих комбинезонах начали выгружать носилки с лежащим на них человеком. Тот одной рукой придерживал